

Юлия
Нифонтова

Не хоч в Нормандию!

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Юлия Нифонтова
Не хочу в Нормандию!

«Автор»

2005

Нифонтова Ю. А.

Не хочу в Нормандию! / Ю. А. Нифонтова — «Автор», 2005

Автор Юлия Нифонтова иронично охарактеризовала свою повесть «Не хочу в Нормандию!», как «памятку для клиенток международных брачных агентств, а также руководство для желающих выехать за границу по визе невесты». Это очень важное примечание, ведь произведение в основном посвящено проблемам женской эмиграции, а также это откровенная история об одиночестве и поиске любви. Героини повествования — некий собирательный, не лишённый острых ярких сатирических черт портрет молодой женщины поколения, стоящего на пороге зрелости. Книга заинтересует женскую читательскую аудиторию старше шестнадцати лет. Содержит нецензурную брань. В книге встречается упоминание нетрадиционных сексуальных установок, но это не является пропагандой

© Нифонтова Ю. А., 2005

© Автор, 2005

Юлия Нифонтова Не хочу в Нормандию!

*Человек, который ищет Бога вне себя, похож на пастуха,
который ищет барашка в горах, а тот у него за пазухой
Будда*

ПРОРОЧЕСТВО

– Девочка, кем ты хочешь стать, когда вырастешь?

– Вемдей и похер-хакером!

(в переводе с детского – ведьмой и парикмахером)

Хочу рассказать вам о самом удивительном событии в моей жизни – о путешествии во Францию. Эка невидаль, скажете? Покруче видали! Конечно для какой-нибудь пресыщенной столичной штучки – это обыденное дело – в Париж на уикенд смотаться. Но для меня – нищей училки из глубокой сибирской провинции... Невероятное везение! С моей самой низкой социальной ступеньки – это всё равно, что в космос слетать.

Ну да ладно, расскажу по порядку. Дело было в теперь уже далёком «две-тыщщи-нулевом-лохматом» году, сразу же после бандитских девяностых, когда мы и осознать-то ещё не успели, что лихолетье на убыль пошло.

Все авантюры в застойном болоте моего существования всегда начинаются с Лолки...

А Лолка звонит всегда не вовремя. Мало того, что она может запросто разбудить глубокой ночью, так ещё бесконечные Лолкины монологи затягиваются бессовестно долго. Она щебечет, вскрикивает, сама себе удивляется, сама с собой ссорится. «Театр одного актёра» продолжается до тех пор, пока я не падаю на подушку замертво, проваливаясь в спасительный сон, не в силах больше выдерживать пытки. А неуёмная Лолка взахлёб продолжает страстный монолог, густо пересыпанный задорным матом.

Временами, когда натруженное ухо начинает болеть от долгого соприкосновения с телефонной трубкой, я укладываю её на подушку рядом с собой, и могу на несколько минут позволить себе забыть о том, что веду международные переговоры с Францией. Но, похоже, Лолке совершенно и не нужен активный слушатель. Она упивается одной лишь счастливой возможностью просто говорить на родном языке. Поэтому так яростно и самозабвенно кричит и шепчет, плачет и смеётся, ругается и декламирует стихи... Главное что *по-русски!*

С Лолкой мы вместе учились в школе. Таким, как я всегда достаются роли второго плана, моё амплуа й– «подружка героини». И я была подружкой Лолки, а она – героиней! Яркой, дерзкой, своенравной...

– Мужик без машины несостоятелен так же, как женщина без ребёнка. Но у нас-то ещё всё спереди!

– Не знаю... У тебя может и спереди. А мне уже надеяться не на что... Скажи... ну, а ты вообще как – по Родине совсем не скучаешь?!

– ?..

– Что молчишь?!

– Не знаю даже как тебе понагляднее объяснить? Ну, вот представь себе, сидел какой-нибудь мужик в тюрьме всю жизнь. Его там били, унижали, насиловали... Полжизни из под лавки не вылезал, а потом вдруг пр-раз и выпустили на свободу! Вернулся он домой, а там

семья, ждут, любят. Всё вокруг нормально, спокойно, с ним уважительно разговаривают, вкусная еда, чистая постель, никто не напрягает. Только-только он стал к нормальной жизни-то привыкать, человеком себя почувствовал... А ему эски звонят из той камеры и спрашивают: «Ну, ты чо там не соскучился ещё?!» – вот примерно так!

– Господи, да неужели у нас до такой степени всё плохо?!

– Скажу больше, Ленчик, вы в Аду!

Помню как-то в классе восьмом, маялись мы на обязательной летней отработке. В нашей стране бесплатного труда нет, кроме труда детей, учителей, солдат и заключённых. Но нам повезло. Лолка вообще с детства – проныра. Поставили нас на *пару* в теплице цветы поливать. Другие дети на солнцепёке капусту полют под «прицелами» надзирателей и ещё более безжалостных одноклассников, а мы – красота, спокойно вдвоём польём росточки и – свобода!

За три недели мы с Лолкой всю жизнь друг другу рассказали, все тайны проболтали, все песни пропели... и стали по-настоящему родными людьми. Утро начинали с того, что подолгу сидели за теплицей – просыпались, всё-таки организм уже на каникулы настроился. Потом потихоньку, не спеша, приступали к работе и начинали распеваться. После двух-трёх арий из рок-оперы Рыбникова «Звезда и смерть Хоакина Мурьетты» замолкали, так как рассказывать было уже нечего. Но однажды, в последний день практики, нас будто прорвало:

– Давай, – говорит Лолка, – пофантазируем, что с нами со всеми после школы будет. Вот представь, что прошло лет эдак десять-двадцать...

Нас понесло. Мы придумывали своим одноклассникам самое невероятное будущее, раздавали им самые несвойственные роли и хохотали, как безумные. Тормозной толстой простушке Сайке (Тосе Сайко) напорочили карьеру фотомодели в журнале для извращенцев. Забитенькой, с неправильным прикусом Зюзе (Соне Зюзиной) – ревнивого страстно-влюблённого воздыхателя – «Отелло». Хулигану, двоечнику и хроническому второгоднику Рюкзак (Вовке Рюзову) – звание кандидата наук. Смешному, похожему на Винни Пуха, увальню – Дрюлику (Андрею Пальчикову) брутальную криминальную биографию. Круглой отличнице Людочке злорадно пожелали не поступить в институт.

– А с нами-то что будет? – спросила я Лолку, когда немного отпустил очередной приступ смеха, и стало возможно говорить, понимая сказанное.

– Ты, Ленчик, школку ненавидишь всеми фибрами души, значит, будешь училкой. Пока не полюбишь школьные застенки до фанатизма. А я буду очень богатой, мне больше ничего не надо. И тогда джинсы у меня будут настоящие, американские, и красная длинная машина, и самые обалденные парни. За деньги я себе всё куплю и образование, и уважение, и любовь...

Если бы мы только могли знать, что все наши самые невероятные фантазии жизнь не только исполнит, но и приумножит. Тоська не превратится в скелетообразную манекенщицу, а переплюнув наши пророчества, станет известной телеведущей и актрисой популярных сериалов – Таисией Сайк.

Самая страшенькая – Зюзя первой выскочит замуж, именно у неё будет крепкая многодетная семья. Как утверждает Лолка, заниженная самооценка – фундамент счастливого брака!

Рюкзак вырастет до доктора наук, будет бесконечно долго парить студенческие мозги преподавателем философии в университете.

Дрюлик станет Князем – крутым властителем МКАДа, всесильным держателем бензоаправок вокруг столицы.

А несчастная Людочка останется молодой вдовой с малолетним ребёнком на руках. И окончив школу с золотой медалью, будет вынуждена работать уборщицей, пока капитально не сопьётся. Поверить в это *тогда* было невозможно. Но то, что Лолка обязательно преуспее в

жизни, я не сомневалась, хотя, конечно, и предположить не могла, что она станет мадам Фонтен и будет владеть поместьем в Нормандии с домом, похожим на дворец.

Как ни странно, выросла Лолка в униженной нищете под градом насмешек и тумачков «ребят из нашего двора». У неё не было грозного защитника – папы, и сумасшедше любящая мамаша не выбегала на помощь, слыша отчаянный Лолкин плач. Поэтому издевались над ней безнаказанно и самозабвенно. Дети – самый жестокий и безжалостный народ. Поверьте мне, как педагогу с многолетним стажем. Лолка с детства была хорошенькой, умной, бойкой, но... Залатанная школьная форма с короткими рукавами... Бесплатное питание в школьной столовке... Летом пионерский лагерь на три сезона...

Воспитывала её бабушка. И все в классе были совершенно уверены, что Лолка круглая сирота. Когда на последнее родительское собрание в выпускном классе заявила расфуфыренная, нездешне-красивая Лолкина мамаша, держа за руку обворожительного мальчика-мулата – младшего Лолкиного братишку, да ещё и вывалила на выпускной бал невероятную сумму – все были просто поражены. Шампанское из под полы в период сухого Горбачёвского указа тоже достала инопланетная Лолкина маман. Но видимо, на этом её благотворительность и закончилась.

После того как отгремели школьные выпускные балы, Лолка не побежала, выпучив глаза, как все остальные штурмовать ВУЗы, а устроилась продавцом в ювелирный магазин – поближе к любимому жёлтому металлу.

– Нет, я ни чо не поняла! Где радостный визг? Жё нё компран па!? (искаж. франц. – я не понимаю) Где спасибо, любимая? Ты меня слушаешь вообще?! АЛЛО!!!

– Ой, Лолочка, извини, я пропустила. Ты что-то сказала?

– Жениха тебе нашла! **МИЛЛИОНЕР!!!** А ты – соня так и проспидишь счастье-то своё!

– Какого жениха? Где нашла?

– Помнишь, я по весне на тебя брачное объявление подавала в газету «Бонжур»? Тебе ещё одни негры отвечали. А тут железный вариант. И представляешь, живёт рядом – соседний виляж (искаж. франц. – городок). Просекаешь? Теперь надо всё успеть. Собирайся в Нормандию! Куй железо, пока Горбачев!

Лунный свет заливал холодным голубым сиянием унылую пустынную местность. Тут и там гнулись от резкого ветра реденькие чёрные кустики. словно злобные пустынные демоны с песчаных дюн кидали в лицо колючий песок, который забивал рот, глаза, волосы...

– Надо же, а я совсем не такой себе Нормандию представляла! Куда бы спрятаться от этого пронизывающего ледяного кошмара?

На горизонте горбатым силуэтом, словно выгнутая спина гигантского зловещего дракона, возвышался горный хребет. Я шла на ветер, согнувшись в три погибели, но ненавистные порывы пробирали до костей. Волосы били по щекам, превращаясь в твёрдые сосульки. Моё плохонькое платице нисколько не спасало от холода. Колотила крупная дрожь, зубы стучали, сотрясая подбородок. Голова отказывалась соображать, наверное, мозги тоже промёрзли, стучала только одна мысль: «Нужно добраться до гор – там спасение!»

Очнулась я от безумного предгробельного состояния в полумраке тесной пещеры. Костёр посреди пыльного грота почти догорел, и я придвинулась к теплу так близко, что угли обжигали ноги. Постепенно сознанию возвращалась ясность, и я стала разглядывать неприветливое убежище. Повсюду валялись обглоданные кости, а в дальнем углу тёмными провалами глазниц таранился на меня длинный лошадиный череп.

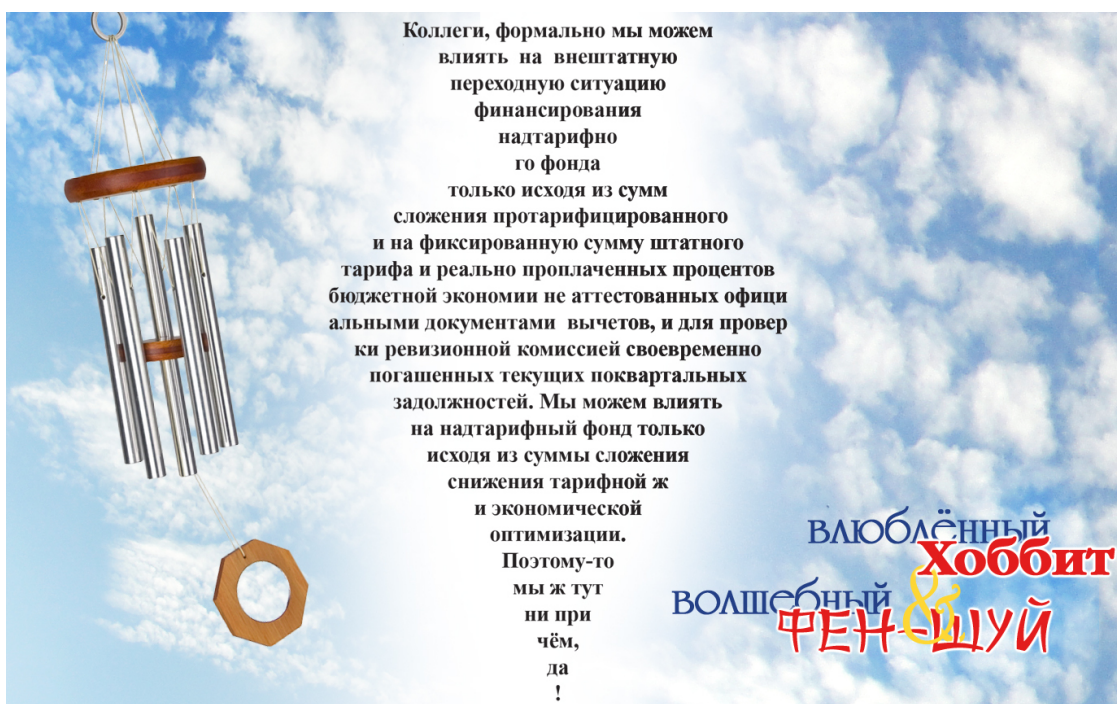
Вдруг, вход в пещеру заслонила мощная фигура, поросшая косматой рыжей шерстью. Существо двигалось бесшумно, только подойдя ко мне вплотную, обдало горячим смрадным

дыханием и недовольно зарычало. Это было ужасное соединение человеческого и звериного. Оно было явно разгневано бесцеремонным вторжением в его жилище.

Волосатая морда придвинулась к моему лицу, почти касаясь, буравила злобными красными глазками и скалила жуткие мокрые клыки. Его тёплая слюна капала мне на плечо...

Существо явно ждало, когда я подниму глаза. А я всё отводила и отводила взгляд. Тогда чудовище схватило меня железной хваткой, сковав движения и подавляя волю. Меня абсолютно парализовал липкий душераздирающий страх. Я поняла, что выхода нет, и стала медленно поднимать глаза. Когда наши взгляды встретились, я увидела перед собой мутные, дремучие глазёнки животного, которому чужды человеческие законы жалости и сострадания, которому невозможно ничего объяснить. И тогда я осознала своё бесспорное превосходство, и чувство торжества над диким звероподобным существом захлестнуло меня.

Монстр взвыл, как ошпаренный, и, впившись когтями в плечи, вонзил острые клыки в мою шею...

2. ВЛЮБЛЁННЫЙ ХОББИТ И ВОЛШЕБНЫЙ ФЭН-ШУЙ

Надо всё успеть, покуда грудь высока...

Из репертуара бит-квартира «Секрет»

У меня никогда не было высокой груди. Кажется, что я родилась уже старой и толстой. Даже в пятнадцать лет моя грудь выглядела грудью пятидесятилетней женщины, вскормившей несколько детей. Увы! Природа обидела, и это при таких красивых родителях. Не уродка, конечно, но общение с зеркалом никогда не приносило радости. Ноги короче, чем хотелось бы. Глаза чуть меньше, чтобы считаться красивыми. Нос кнопкой.

Не взирая на все изуверские диеты, коими я себя систематически изнуряла, мне так никогда и не удалось надеть короткую юбку. Исходя из того, что нормальные здоровые мужики клюют исключительно на стройные женские ноги... итог моей жизни был очевиден и печален...

При такой невыдающейся внешности и книжно-бабушкином воспитании произошло то, что должно произойти – мне тридцать два года и я не замужем. Всё закономерно. Невестой меня назвали лишь однажды – в старшей группе детского сада. Потом коварный жених – мальчик Коля выбрал себе более симпатичную и лучше одетую девочку Вику. Но меня из благородства не бросил. И мы дружили втроём. Наш тройственный союз Коля объяснял окружающим так: «Вика – это моя тайна, а она, – стеснительно указывая на меня, – мой секрет». Лучше бы сразу бросил!

Позже, конечно, изредка появлялись ухажёры. Но безрезультатно. Те, которые нравились мне не обращали на меня никакого внимания, а навязываться я считала ниже своего достоинства. А тем кому нравилась я... Каждый был безобразен по-своему.

Можно было бы, конечно, закрыть глаза и рискнуть. Но не могла я, перешагнув через собственное достоинство, отдаваться на первом свидании, терпеть маты, расплачиваться за себя в автобусе, когда рядом стоит состоятельный мужчина в предвкушении соития. Да многое чего не могла. Старалась не общаться с такими жлобами. Ни на что сверхъестественное я, конечно, не претендовала, но хотелось хоть элементарного ухаживания. Да кого я собственно обманываю (?), любви хотелось, всегда хотелось только любви!

Но никто за всю жизнь не подарил мне даже букетика цветов (похотливые папаши учеников не в счёт), не повёл по собственной инициативе в кафе, не пригласил танцевать. Наоборот, «женихи» стремились запрыгнуть мне на загривок и проехаться по полной программе. Пребывая в первоначальной иллюзии и думая, что у человека просто пока нет денег, я приглашала сама, платила, угощала, звала в гости. Воздыхатели охотно шли, пользовались и неизменно пытались овладеть мной при первой же возможности на моей же территории. После отказа неизменно исчезали навсегда, удаляясь на поиски новой удобной и более сговорчивой дуры. В этом отношении меня чётко сориентировала мудрая и прагматичная Лолка:

– Запомни, Ленчик, любовь измеряется деньгами. Насколько мужик готов раскошиться, настолько он тебя и любит. Ведь когда любишь – рад всё отдать!

Жизнь не дала мне ни одного шанса. Хоть была я очень влюбчивой девушкой. Страдала себе втихомолку. И ни одного дня не проходило без слёз. Лет до двадцати пяти я ещё носилась со своей девственностью в поисках достойного кандидата. Ближе к тридцати была согласна на любого более-менее адекватного, при наличии чувств смирилась бы даже, наверное, с женатым. Но героя способного на этот беззаветный подвиг найти так и не удавалось. Когда на горизонте замаячила стыдная перспектива навсегда остаться старой девой, выручила опять же хитроумная Лолка.

После официальной части встречи выпускников, она потащила одноклассников к себе домой, по дороге к компании прибились парни из параллельного класса. Накачавшись да пороссячьего визга, к полуночи все расплзлись. Лолка ушла спать в бабушкину комнату, оставив меня с одним из малознакомых однокашников – Димой-пианистом. Он был сильно пьян и вряд ли представлял, какую важную миссию ему предстояло выполнить. Но оставаться девственницей в мои годы, было уже просто неприлично. И я решила...

На душе остался лишь осадок опустошённости и недоумения. И это всё?! Быстро, больно, нелепо, пусто. Единственное слабое оправдание, которое я придумала этому гадкому акту – то, что Дима-пианист был *очень* красив, похож на известного певца – признанного короля эстрады.

С тех пор я выключаю телевизор, когда на экране маячит этот постаревший, обрюзгший от осознания своего невыносимого величия, изрядно потёртый эстрадно-королевской жизнью нелепый дядька.

Но ничего не бывает напрасно, зато теперь я точно знала, что мне не нужны отношения, особенно интимные, без чувств. Но вот только неумолимое время текло, а отношения с чувствами никак не заводились.

Да и когда было глупостями заниматься? Сначала школу нужно было заканчивать с серебряной медалью, ещё и одновременно с музыкалкой. Бабушка тогда сильно заболела, перенесла инсульт. Как родители меня в младенчестве к ней подкинули, так мы с ней всю жизнь и живём вдвоём. Доход наш всегда – только с голоду не умереть. Пришлось подрабатывать в детском садике – музыкальным работником. После окончания пединститута пошла работать в школу учителем музыки. Это Ад крошечный, одним словом – КАЗЕМАТ! Кто в этой шкуре не бывал, тот меня вряд ли поймёт.

– Пацаны! Атаc! Музычка идёт! Музычка идёт!

– Лен Санна, а у нас сегодня самостоялка будет? А?! Лен Санна! Лен Санна! – со всех сторон галдят мои оглоеды, для которых эти уроки музыки – законный отдых после зверских физик–химий–математик.

Я даже отчество своё стала ненавидеть, как мученик ненавидит инструмент пытки – какие-нибудь щипцы для вытягивания кишок.

Учительница по правоведению принесла как-то в школу свод судебных законов одной из стран северной Европы. Оказалось, что у них человек более пяти лет проработавший в школе не имеет право свидетельствовать в суде. Деформация личности на фоне агрессивной психотравмирующей среды. Наши в большинстве были с таким диагнозом согласны.

Весь день словно находишься внутри осинога роя. Живая жалящая масса окутывает и не замирает ни на миг. Помню, Лолка как то рассказывала, что у них, в открыточном благополучном дворике случилось страшное – дикие осы поселились в почтовом ящике! Тут же примчались бдительные французские спасатели в спецкостюмах на большой машине с мигалкой и победили злостных нарушителей порядка при помощи шланга с отравляющим газом. Эх, мне бы хоть одного такого спасателя, можно даже без машины и без шланга!

Но вернёмся к российским реалиям – юное гиперактивное поколение в подмётки не годится истеричным коллегам и в особенности начальствующим дамам в климаксе. Всем вокруг чего-то от тебя надо и ты заранее в чём-то виновата. Не вовремя сдала журнал, план, отчёт, не досмотрела, прогнулась недостаточно низко, не в той клеточке закорючку поставила. Дёргают, дёргают, дёргают... К концу работы выпита до капли вся кровь. Тут не до женихов! Да и где их взять – кругом одни бабские задницы, одна противнее другой. Физруки-трудовики не считаются, как говорит Лолка, если мужчина работает в школе – это не мужчина.

Хотя... есть у нас один молодой человек, Сергей Сергеевич – историк. Этот в школе явно долго не задержится. В науку пойдёт. Фанатично увлечён своим делом. Наверняка, втихаря на кухне диссертацию пишет. Ученикам взахлёб рассказывает много интересного, иногда далеко уходя от школьной программы. Таких чудиков дети любят:

– Уматный тип!

– Прикольный чувак!

Считают его за блаженного, конечно, но прощают всё. И небольшой росточек, и еврейскую картавость, и даже то, что вещая очередную архаическую байку, историк, впадая в раж, начинал бессистемно махать руками, выпучивал круглые чёрные глаза, горящие диким восторгом, не замечая, что обильно оплёвывает собеседников. Сначала его прозвали Радзинский, но потом прижилась сказочная версия пятиклашек – Хоббит.

Он постоянно находился в состоянии одержимости какой-нибудь идеей, каждый раз новой. На этот раз его сознание помутилось под натиском очарования древним искусством фэн-шуй.

– Это не игрушки, а правильная организация пространства! Многие недооценивают, а зря. Вы не поверите Елена, **ОНО работаем!!!**

– Что работает, Сергей Сергеевич?!

– А что хотите. По желанию можно активизировать любой из секторов. Если правильно и по науке. Обустроишь сектор «помощников и путешествий» – поедешь куда захочешь. Южный – деньги, слава. Потом идёт сектор «любви и партнёрских отношений». Хоббит всё лопотал и лопотал, своим высоким, почти женским голосом с такой скоростью и напором, словно за ним гнались злоумышленники, охотясь за тайнами древних китайцев.

– А если я, к примеру, хочу всё сразу: и деньги, и любовь, и путешествия?..

– Всё в наших силах, но больше трёх секторов запускать нельзя, а то они будут гасить друг друга. Для начала необходимо составить план квартиры и определить стороны света по компасу, – обрадовался Хоббит, уловив в моих глазах интерес и вспыхнувшую надежду, – могу вам помочь, Леночка, с удовольствием!

«Могу вам помочь – с чего бы это? А глазищи-то как горят! Чёрные блестящие! И кудряшки такие трогательные к шее прилипли... А ведь он явно и настойчиво симпатизирует. Коварный гном! – мне стало одновременно и приятно и досадно – У людей нормальные мужики, а ко мне льнёт какой-то сказочный недорослик из Средиземья!»

Хоббит подошёл к обустройству моего жилища со свойственными ему серьёзностью и активностью. Бабушкина хрущовка была тщательно измерена, составлен точный план, разбит на прямоугольники, каждый из которых отвечал за важные сферы в судьбе обитателей.

Все выходные пришлось горбатиться, чтобы убогая квартирка хоть мало-мальски соответствовала придирчивым требованиям мастера. Во-первых, были явлены свету многолетние залежи бумаг и завалы старья. Затем, выброшены на помойку шесть (!) огромных мешков с ненужными вещами. Думаете у вас меньше? Я тоже так думала, пока в мой дом не ворвался воинствующий Хоббит.

Из кварирры были вынесены сломанные, но ещё пригодные стулья, ветхие половики, вся вышедшая из моды одежда. Избавленная от хлама и тщательно промытая крохотная однушка стала казаться просторнее и выше.

– Это очень хорошо, что у вас всего одна комната – фэн-шуй быстрее заработает! – приговаривал Хоббит, развешивая купленные в переходе талисманы, – чувствуете, Леночка, как воздух начал свободно циркулировать?

От моего низкорослого, но обаятельного друга я узнала, что всё в мире построено на взаимодействии стихий. И есть стихии дружественные, нейтральные и враждебные. Дерево питает огонь, из огня получается земля (пепел), в земле таится металл, из металла можно выделить воду, вода питает дерево – круг замкнулся. Чтобы в доме поселилось счастье, интерьер должен быть максимально приближен к этой схеме, дабы не нарушать гармонии.

Теперь в комнате помещались три совершенно безумных натюрморта, призванных впустить в мою пропащую жизнь деньги, любовь и приключения. На подоконнике, шкафу и журнальном столике располагались хороводы из предметов, символизирующих стихии: огонь, земля, металл, вода, дерево. Друг за другом по кругу шли свечи, затем керамические кружки, к ним примыкали металлические ложки, стеклянный стакан с водой. Деревянные брусочки, позаимствованные в школьной столярке, замыкали круг, утыкаясь в оплавленные свечи.

Догоревшие до основания огарки несколько раз сменились на новые свечки. Я теперь почти каждый вечер попеременно зажигала в моих «магических кругах» живой огонёк. Смотрела на него и мечтала о достатке, о далёких неведомых странах и зелёных загадочных островах, но главное, конечно же – о любви.

Заканчивался учебный год, впереди замаячила призрачная перспектива каникул, непременно обгаженных ремонтом класса, который в нашей школе возлагался на безотказные учительские плечи.

Шёл четвёртый час извращённой пытки под названием педсовет. Повестка подобных соборщ известна всем несчастным узникам бастилии заранее. Сначала нас с чем-нибудь поздравят елейными ненатуральными голосами. Потом будут медленно, но верно давить, пока кто-то не взорвётся. Начнётся перепалка. После того как все переругаются и, когда уже не останется больше ни сил, ни эмоций, нам объявят об очередном разрушительном новшестве в системе образования.

И на этот раз всё шло по привычной схеме: сначала нас поздравили с завершением учебного года, затем стали подводить итоги – досталось всем! За тем сообщили о новых правилах заполнения бумажек, ужесточении ведения экзаменов (не кашлять, не оглядываться, не ходить в туалет в течение пяти часов). А на закуску сообщили о повышении зарплат, но предупредили, чтобы сильно не радовались, так как в реальных деньгах мы этого повышения не увидим.

Все наши страдальцы всегда очень боялись этого очередного повышения зарплат. После каждого такого благодетельствования, когда на всю страну усердно трубили о том, что учителям снова повысили зарплату, раздражая тем издерганное население, реальные учительские доходы неизменно уменьшались за счёт снижения доплат за проверку тетрадей, классное руководство, и прочих лазеек, о которых, конечно, никто в прессе не распространялся. Каждое такое повышение-унижение предвляло личное посещение педсовета зам-зава районного отдела образования «анамсиРОНО» лоснящегося и по-свински кругломордого товарища Е. Е. Самосвалова (бывшего военрука нашей же школы):

**Коллеги, формально мы можем
влиять на внештатную
переходную ситуацию
финансирования
надтарифно
го фонда
только исходя из сумм
сложения протарифицированного
и на фиксированную сумму штатного
тарифа и реально оплаченных процентов
бюджетной экономии не аттестованных официа-
льными документами вычетов, и для провер-
ки ревизионной комиссией своевременно
погашенных текущих поквартальных
задолженностей. Мы можем влиять
на надтарифный фонд только
исходя из суммы сложения
снижения тарифной ж
и экономической
оптимизации.
Поэтому-то
мы ж тут
ни при-
чём,
да
!**

Из строгой речи зам-зава «анамсиРОНО» никто из слушателей не понял ни слова, но всем стало абсолютно ясно, что очередная обдираловка нищенских учительских кошельков неминуема, и жаловаться опять некому.

День педсовета традиционно считался потерянным из жизни. Но не сегодня. Мы сидели с Хоббитом на «камчатке» и он рисовал мне красивые и подробные схемы – как пройти к волшебным лавкам с товарами и литературой по магии фэн-шуй.

БРАКОВАННОЕ АГЕНТСТВО

*Если даже вам немного за тридцать,
Есть возможность выйти замуж за принца...
Из репертуара Верки Сердючки*

– Представляешь, сегодня от твоего Месье мессаж пришёл, а я портабль в Рено у люквера на паркинге забыла. И фикс вообще отключила – слишком большие фактуры в этом месяце. – Это означало, что от моего жениха пришло сообщение, но Лолка забыла мобильник в машине, когда пошла в магазин, а домашний телефон отключила, потому слишком много набежало временной платы. Понимать её становилось всё труднее и труднее. В речь вплетались новые французские слова и фразы приобретали чуть слышный грассирующий акцент:

– А твой-то такой жанти! Такой жанти! Лапочка! (искаж. франц. – приятный, милый) Он хоть и пожилой, но я бы с таким ей-ей не отказалась!

– И сколько ему?!

– Вообще-то шестьдесят два, но ты не бзди, мон ами! Выглядит он так, как русские мужики в сорок с маленьким хвостиком. Кстати, с хвостиком у него тоже всё в порядке. Это тебе не наши – алкаши-импотенты.

– А ты откуда знаешь? – насторожилась я.

– Его младшему сыну всего пять лет! И жена развод не даёт. Так что тебя по любому выпустят. Официально он пока женат. Слышь, как повезло-то тебе! На этой неделе жди перевод по «Вестерн-Юнион» – две тыш-ши евро. Вызов тебе уже идёт по скоростной почте!

– Лолка!!! Он же на *тридцать* лет старше меня!

– Ничего. Зато его бывшая мадам младше тебя на четыре года. Старый конь борозды не испортит, хотя, конечно, и глубоко не вспашет...

– А вдруг я ему не понравлюсь? Я такая толстая! Ни одеть – ни обуть!

– Понравишься. Ты ещё ихних баб не видала. Скоро узнаешь, что ты – Мисс Вселенная! А пока загранпаспорт оформишь, килограмм десять с тебя, как не фиг делать слетит, не заметишь. Как только деньги получишь – пулей в ментовку, оформляй паспартину по самой

горячей сетке, как можно быстрее. Денег не жалеи. Месье пылает от любви, если надо – ещё вышлет. Сёдня заглянула к нему в спальню, а там на его подушке – твоя фотка!

– И часто ты к нему в спальню заглядываешь?

– Ага! Ревнуешь?! Заработало!

Разговоры с Францией теперь происходили чуть ли не каждый час, если Лолка долго не звонила у меня начиналась тихая паника. Какая она всё-таки умница! Подруга руководила и направляла каждый мой шаг. Подсказывала и давала неоценимые советы. Если бы ещё обходилась без мата... Хотя куда же без него.

– Лол, если даже всё наилучшим образом получится, то как же я бабушку одну оставлю?! Она же беспомощная, старенькая совсем. Всё на мне.

– А что к ней *визитёры* разве не ходят? – искренне удивилась Лолка словно впад в беспомыслие, изображая из себя коренную европейскую мадам, будто она вовсе не в курсе наших отечественных реалий.

Я знала что визитёры – это работники французских социальных служб по уходу за престарелыми. Может, подобные особи на территории России где-то и водятся, только мало кому посчастливилось их видеть. Тут вам не Франция где на каждого старика по несколько визитёров в день. И это говорит мне Лолка – девушка выросшая в семье, где у одной стены стояла кровать с парализованной прабабушкой, а у другой стены на ободранном топчане доживал свой век дедушка в маразме. Как дала бы этой Лолке по башке, чтоб не выпендривалась!

– Лолик, как же я с Месье общаться-то буду? Я ж в школе английский учила-учила, да так и не выучила.

– Ничего, в Нормандии добрая половина населения англичане, и вообще на английском говорят все, а уж он – тем более. Я когда во Францию приехала кроме привет-пока и эпохальной фразы Кисы Воробьянинова «Месьё-о! Жё нё манж па си жур!» ни слова не знала. Так мы с моим дебилом-Луи друг другу сердечки на салфетках рисовали – это не помешало мне выйти за него замуж.

– Может, мне самоучитель купить, аудио-уроки включать?

– Давай, конечно, только это бесполезно. Французский по сложности на первом месте в мире.

– Сложней английского?

– Аглицкий ему и в подмётки не годиться! В англише хоть слова возможно отделить друг от друга...

Я постоянно находилась в преподнято-возбуждённом состоянии граничащим с безумием. Первый раз в жизни решила заявиться в кабинет к директрисе-Раисе с беспрецедентно-наглым заявлением, что в свой отпуск я намерена предательски-подло ехать отдохнуть, а не клеить до изнеможения обои в кабинете музыки.

Каждое лето я меняла эти проклятые обои, которые уже в октябре от холода падали на пол, печально шелестя. И это не смотря на любые супер-крепкие клеи. Зимой в классе доходило до девяти градусов, дети сидели в шубах, шапках, варежках и с красными носами. Зато бывало удивительно тихо и спокойно. Директриса-Раиса, опасаясь родительских жалоб, в порядке исключения разрешала ученикам заниматься в моём кабинете в верхней одежде. Ребята, пригревшись, впадали в «зимнюю спячку», а я нарочно, включала убаюкивающую мелодию... Просто счастье какое-то!

Иногда меня охватывала паника, и сомнения изматывали душу:

– Лолочка, а вдруг мне с этим Месье придётся вместе век доживать?! Как он хоть выглядит-то? Ну, какой он? Опиши...

– Он *миллионер*, дура, и какая разница как он выглядит! Ладно, фотки вышло по Интернету. Зайдёшь в кабинет информатики, если чо информатичка тебе поможет. Но ты, когда его увидишь, то сильно в обморок не падай. Да – лысый. Да – старый. Но от него такая энергетика прёт! И запах миллионов! Вообще, настоящая мужская красота так глубоко запрятана, что её можно только в морге при вскрытии обнаружить. Вот представь, вскрывает патологоанатом черепную коробку, а там *такие мозги!!!*

– Какое-то кровавое сравнение...

– Ты ещё своего Месье не видела. Смотрела «Молчание ягнят»? Вылитый доктор Лектор!

– ...

– Чо молчишь? Возбудилась?..

Когда я, еле сдерживая жестокий нервный «колотун», ждала загрузки фотографии, то ещё надеялась на то, что Лолка пошутила в своей неподражаемой дерзкой манере. Но на меня глядел коричневый от загара, моложавый и поджарый «Энтони Хопкинс».

Письмо на французском голосило о любви, о желании скорейшей встречи, о мечтах и радужных перспективах. Внизу стояла подпись, но вместо: твой любящий, с тысячью поцелуями Ганнибал Лектор, стояло: твой любящий, с тысячью поцелуями Франсуа Буйе. Замаскировался, людоед!

Ладно, если даже съест меня бедную овечку, зато во Франции! И пусть только хоть что-нибудь сдвинется с места в моей пустой жизни, что-нибудь, наконец, произойдёт!..

Догадываясь, что я ломаю голову над подарком к её дню рождения, Лолка строго предупредила:

– Смотри, золото мне не покупай! Здесь оно более высокой пробы, совсем другого оттенка – светло-жёлтое. Наши отечественные безделушки по сравнению с европейскими сильно красным отдают. Я когда сюда приехала, у меня многие интересовались, почему я ношу украшения из меди?

По совету любимого Хоббита я приготовила именинице то, чего во Франции, по-моему мнению, точно не было – накупила книг по фэн-шуй. Это ей точно понравится, ведь подруга так любит всё кардинально менять.

Но непредупреждённая Лолкина бабушка, зная о пристрастиях внучки, купила целый золотой комплект: цепь с кулоном, дутый браслет, два колечка. Чтобы не огорчать старушку пришлось мне везти всю эту красоту через границу, напялив на себя, как «в лесу родилась ёлочка» чтобы не заполнять никаких деклараций.

– Так, теперь слушай внимательно историю вашего знакомства. Не вздумай ляпнуть, что едешь к жениху и не отрицаешь возможности остаться во Франции! Говори, что любишь Родину, а главное обожаешь свою работу – жизни без неё не представляешь! Решающая и важнейшая бумажка в консульстве – справка с работы, что ты работаешь там-то и там-то и не уволена. Говори, что изучаешь французскую культуру – едешь на ознакомительную экскурсию. С Месье познакомилась случайно, через соседей (то есть через меня). Потом вы долго переписывались на почве взаимных историко-географических интересов...

– Что за чушь?!

– Ты слушай, чего говорю! Они верят в любую удобную чушь. Тут всё годится, кроме правды. Главное выучи все данные Месье: телефон, факс, адрес, как выглядит, когда родился. А ещё лучше скажи, что у тебя в России жених и ты его безумно любишь. Короче, ври всё, чтобы они даже не заподозрили, что ты можешь здесь остаться...

– А я что разве могу остаться?..

– Ну, это в лучшем случае. Ты заказала рандеву в консульстве? Без назначенного времени визу не дадут. Кстати, звонок в посольство стоит примерно рублей восемьсот. Все страховки купишь у барыг в очереди. К воротам приходи первая. Не жди, пока метро откроют. Заказывай такси на пол пятого утра, чтоб в очереди первая была, а то растопчут...

– Лола, а как же те кому всего этого не сказали.

– Это уж как повезёт. Многие назад домой повернут. Самое главное – *вырваться!*

– Лол, я целыми днями с бумагами бегаю, некогда даже купить себе чего-нибудь новенького из одежды. Надо ведь как-то выглядеть, а я себе, извините, даже забыла, когда трусы покупала.

– Ты только не вздумай наряжаться! Тут все в люди ходят так, как мы на картошку ездим. Я вечернее платье из России привезла – до сих пор висит, не надёвано. Тебе главное – сюда попасть, тут уж мы Месье раскрутим по полной. А трусы тебе, Солнце моё, очень на это надеюсь, вообще не понадобятся.

По Лолкиному совету я обратилась в брачное агентство «Ламбада», там мне предстояло выпросить «Памятку для выезжающих во Францию» с заветными телефонами визового отдела и ещё множеством нужных сведений. Ушлая Лолка строго предупредила, чтобы я в агентстве врала что угодно про путешествующих родственников, только ни в коем случае не раскалывалась, что еду к мужчине по приглашению: «Если сдуру брякнешь – уж они тогда «обуют» и тебя и Месье на кругленькую сумму! А что поделаешь, это их профессия».

В «Ламбаде» я состояла уже несколько абсолютно бескрылых лет. Видимо я была сразу же признана хронически бесперспективной. Хотя когда у меня брали деньги, то были чрезвычайно любезны, вселили надежду, и даже сама хозяйка мне лично тогда ослепительно улыбнулась. На следующий же день о моём существовании крепко-накрепко забыли, а когда я робко пробовала позвонить, то грубо и безапелляционно дали понять, что такая корова, как я не нужна никому на всём белом свете.

На счастье в офисе не было никого из тех, кто зачислял меня в соискательницы элитных женихов, видимо, все они умело пользуясь остапобендеровскими способами отъёма денег у населения, повыходили замуж более чем удачно, и в данный момент, сняв белые штаны, нежились на райских пляжах Рио-де-Жанейро.

И всё же одна из наследниц Великого Комбинатора случайно задержалась и теперь стучала по клавиатуре одновременно разговаривая по телефону. Клиентка на другом конце провода наверняка ещё не успела оплатить услуги агентства, поэтому с ней разговаривали медоточивым ангельским голоском. В каждом слове слышался незаретушированный подтекст, что теперь серая бытность «счастливицы» расцветится всеми цветами радуги. Отныне жизнь станет похожа на сказку полную захватывающих приключений и бесконечных головокружителей романов – то есть всем тем, что было обещано и мне когда «ламбандитки» обдирали меня на «символическую» сумму, равную моей зарплате.

Данная служительница «агентства счастья» представляла собой банально-собираемый образ секретарши: юбка бесстыже короткая (до сики, как моя бабушка выражается), бюст напоказ, ногти нарощенные, да и ресницы, похоже, тоже...

Увидев меня «секретарша» растянула губы в приторно-сладчайшей улыбке, но узнав, что я не очередная жертва, пришедшая в поисках кому бы побыстрее отдать деньги за возможность помечтать о принце, произвела молниеносный допрос. Кто я? Зачем пришла? Для каких целей мне понадобилась «Памятка для выезжающих»?

Я волновалась. Путалась в показаниях... И похоже была полностью прозрачна, как начинающий воришка робко пытающийся надуть тёртого урку. Она, конечно, вычислила меня на

первой же фразе. Но удивительно, не стала даже пытаться выводить на чистую воду. Смотрела пронзительно, понимая всё и видя неуклюжий обман. Словно приняв условия игры, выдала мне не только вожделенный буклет, но и схему «как пройти в Москве к посольству Франции». Эх, рыбак рыбака... И, вдруг, совершенно неожиданно и резко пригвоздила:

– И где только вы их находите?! Тут сидишь целыми днями, из Интернета не вылезает. Два полка переберёшь и всё отстой – пустая порода. Я тут намеренно статистику выудила – так у меня волосы дыбом встали, причём на всех местах. Во Франции на одну потенциальную невесту – восемь женихов, в Англии – пять, а в нашей деревне Гадюкино на тринадцать баб – один замухрышка. О качестве я вообще молчу! У нас что ни девушка, то красавица, обеспеченная, с образованием. А мужик какой пошёл? Безработный пэтэушник на инвалидности и как минимум хронический алкоголик. И это в лучшем случае. И где только качественных особей вылавливают?! Места штоль рыбные знаете?!

Забыв о конспирации, я начала что-то мямлить про подругу и её соседа... «Ламбандитка» равнодушно пропустила мой рассказ мимо ушей, будто и не спрашивала у меня ничего вовсе. Устало глядя поверх моей головы, она дарила мне опасный и бесценный опыт, стёрший с её лица последнюю молодую свежесть:

– Всё правильно. Чего тут ловить? Только сильно varejku не разевай. Они там сейчас тоже ушлые стали. Им русскую девку дешевле из России выписать, чем свою местную проститутку оплатить. Это они только с виду холёные.

Среди русских мужиков я хороших любовников не встречала, тем более мужей. Тупые потребители. С импортными не сравнить. Бабы русские сами виноваты – всё на себе тащат от нехватки. Хотя знаешь, за француза не ходи. У них постель и жизнь – две большие разницы. В сексе он нежный умелец, а в жизни злой, жадный, и не поверишь, что это один и тот же человек.

У меня подруга в международном аэропорту в киоске работает, говорит хуже французов покупателей нет. Как французский рейс – хоть товар прячь. Всё перероют, перекопают, обгадят и ничего в результате не возьмут. Скряги картавые!

Самые щедрые ухажёры – итальянцы, только их страсть очень быстро заканчивается. А с немцем или англичанином сама с тоски вздёрнешься.

Сомнений не было – передо мной знающая коллекционерка, и мне – полному дилетанту в столь пикантном вопросе, конечно, стало интересно:

– Знаете, я бы с удовольствием с американцем познакомилась, мне кажется, они такие открытые.

– С американцем? Ты в своём уме? Мужик там, конечно, дрессированный, феминизмом пуганный, только чего мы там, в Америке не видали-то?! Такой же беспредел как у нас, только ещё покрусче.

– Ещё у меня мечта с детства – хочу в Иерусалиме побывать, а у евреев – самые крепкие семьи...

– Арабский мир и близлежащие территории сразу отпадают. Или, может, ты мазохистка?!

Я поняла, что это тупик и выбора нет! Хотя оставались ещё неизведанные «секретаршей» территории чёрной Африки. И чтобы сохранить надежду, что есть ещё на земле порядочные мужчины, про японцев и аборигенов Австралии спрашивать я уже опасалась.

Весь следующий день я провела в банке, похожем на секретный бункер фюрера. Сначала получала деньги, отстояв три очереди и заполнив квитанции о международном переводе латинскими буквами. Затем в обратной последовательности перевела часть денег, предназначенных на билеты до Парижа и обратно, на имя бандюгана Дрюлика.

Дело в том, что заказанные Лолкой авиабилеты (не по грабительским ценам, которые предлагают в наших авиакассах, а по щадящим через Интернет) нужно было оплатить раньше, чем я окажусь в Москве. В столице у меня было только два знакомых человека – это бывший

одноклассник, а ныне криминальный авторитет Дрюлик и товарищ по музыкалке, рафинированная поп-звезда мелкого калибра Костя. Проще было бы обратиться к Костику, но расписание его жизни предполагало бодрствование лишь в ночные часы, поэтому пришлось договариваться с «братвой».

Вскоре я об этом не раз пожалела, но другого выхода всё равно не было. Деньги не стигнули бесследно в пучине криминальных разборок. Вовсе нет. Билеты были выкуплены в срок, но мне пришлось, дрожа и сгорая от стыда неоднократно выслушивать мрачные тирады моего brutального однокашника о том, как «круто он всех построил и раздолбал в их сраном агентстве». Пообещав на прощание обязательно «обращаться елиф чо», я дала себе зарок ни под каким видом больше не связываться со столичным криминалом.

К вечеру после беготни по бюрократическим кабинетам я едва волочила ноги. Нормальная еда и сон были забыты, как пережитки прошлого. Фигура моя таяла на глазах. Как и пророчила Лолка, я сильно похудела, вся одежда на мне болталась, движения приобрели угловатую подростковую грацию, а в глазах пылал безумный яростный огонь.

Рухнув на диван, я была тут же поднята бесцеремонным звонком в дверь. На пороге стояла самая вреднющая из всех соседок в мире – баба Зельда. Пацаны во дворе называли её «хулиганский патруль» из-за привычки преграждать путь каждому человеку, входящему в наш подъезд. Непрошенный гость обязан был откровенно отчитаться перед Зельдой куда он идёт, к кому и зачем.

С неистребимым любопытством, граничащим с ненавистью, Зельда многозначительно протянула мне большой пакет, испещрённый иностранными надписями и заклеенный разноцветными марками.

– Вот десять раз приносили, а тебя всё носит где-то. Велели лично в руки передать. Пришлось расписываться за тебя в куче документов. Чево это?! За чево я подписалась из-за тебя?!

– Да эт-так, ничего особенного. Журнал прислали заграничный. По музыке. Это для школы.

– А-аа... – разочарованно протянула бдительная блюстительница правопорядка. И я почувствовала, что стала досадной помехой на пути подробного виртуозно сочинённого доноса в компетентные органы.

Да, вскрыть послание баба Зельда не рискнула, хотя я могу себе представить её конвульсивные муки. Мне даже после значительных усилий разорвать пластиковый конверт не удалось. Таинственный пакет подчинился лишь острым ножницам.

Мой любезный Месье прислал увесистый альбом с репродукциями «Импрессионисты Нормандии». На первой странице красивым размашистым почерком было написано по-английски понятное всем без перевода: «My dear Elena, I love you! Many kisses...» Но погрузиться в созерцание бессмертных творений импрессионистов Нормандии мне не позволил поздний телефонный звонок:

– Привъет, Русья! Се Сибири? Мадам Элина?! Я тэбья лублу! Я тэбья ошнь, ошнь жьду!

КОСТИК И СТОЛИЧНЫЙ ШОУ-БИЗНЕС

Чем талантливее человек, тем больше у него проблем в сексе, потому что сексуальная и творческая энергия исходят из одного источника. Чем удачнее одна из этих сфер, тем вычурнее и ущербнее вторая...

Андрюша (самый высокооплачиваемый колдун нашего города)

С Костиком мы долгое время были близкими... но не друзьями, а скорее подругами. Основной из трагических оплошностей Костика было то, что он несколько не скрывал своей принадлежности к сексуальному меньшинству. Осознание и поразительно упорная бравада этим качеством окончательно оформились к концу девятого класса. Поэтому несчастному «меньшевику» пришлось испытать на себе все «прелести» школьной гомофобии. Над ним нещадно издевались, могли открыто и безбоязненно оскорбить даже посреди урока. Парни его методично били, и лишь на восьмое марта дарили цветы. Потом связываться с Костиком стало «западло» и к концу школы от него отстали и презирали молча. Лишь безбашенные семиклашки самозабвенно без усталости дразнили его всей толпой.

В музыкальном училище стало, конечно, несравнимо легче. Но дурная слава шла за Костиком по пятам и настигала его на любом месте работы. Это только по телевизору или глядя на эстраду, кажется, что мы живём в просвещённую эпоху демократии, и все вольны жить, как им вздумается. Но из суровой патриархальной провинции такие «белые вороны» вынуждены спасаться бегством.

Благодаря чуду, Костик не озлобился на весь мир, а остался таким же удивительно открытым и общительным, как создала его природа. Сочетание музыкальной одарённости, необыкновенно чистого голоса и невообразимой наглости позволили ему в рекордно короткие сроки прочно обосноваться в столице. Удачная карьера певца ночных клубов и ресторанов его, правда, мало устраивала, и он с настойчивостью заводного дятла рвался на большую эстраду.

Однажды в порыве отчаяния Костик позвонил в приёмную президента и попросил обратить внимание на свой несомненный талант. И тут ему покатило! Костика пригласили на пев-

ческий конкурс, который он с блеском выиграл и приобрёл пожизненный титул «Хрустальный голос Москвы».

После этого Костик смело шёл к любому спонсору и продюсеру и, в конце концов, попал-таки в нужную струю. Он так и потерялся бы из обыденной действительности, навеки перебравшись в родную среду голубого экрана, но отличная память не позволяла ему так запросто выбросить меня из жизни. Он помнил, что я была единственным на свете человеком искренне его любившим, уважающим его талант, когда все остальные готовы были смешать «урода» с землёй. А, может, Костик держал меня прозапас, авось пригожусь? Но, так или иначе, мы поддерживали тесное дружеское общение, происходившее последние годы преимущественно по телефону. Я была в курсе интриг, романов, разнообразных обид моего друга, и даже его навязчивого страха заразиться СПИДом.

Московский район, в котором проживал Костик, отличался удручающим однообразием серых свечек-многоэтажек и чем-то напоминал спальные окраины нашей общей малой Родины. Нужную остановку я узнавала лишь по кричащей надписи на гараже «КАПИТАЛИЗМ – ДЕРМО!», намалёванную каким-то агрессивно настроенным и малограмотным поборником диктатуры пролетариата. Мне предстояло провести неопределённое количество дней у Костики на съёмной квартире в ожидании решения вопроса с визой.

В единственной, но довольно просторной комнате царил невообразимый перманентный бардак. Все горизонтальные поверхности были обильно усеяны записными книжками, косметикой, дисками, визитками, сувенирами и плакатами с изображениями небесной костиковой красоты во всех ракурсах. Трогать и менять вещи местами мне было категорически запрещено, так как, по мнению хозяина, всё лежало на своих местах. А ведь помнится, что когда-то, в школьном детстве Костик отличался педантичной аккуратностью. Об этом удивительном обстоятельстве напоминали лишь красиво развешанные по стенам концертные костюмы и поставленная рядом у стены вычищенная обувь.

Вскоре я поняла, что это не произошедшие в друге безалаберные перемены, а сам дикий образ жизни не позволяет даже подумать о том, чтобы потратить несколько драгоценных минут на бесполезную уборку. Между гастролями и концертами Костик умудрился оставить за собой работу в ночных клубах. И теперь без усталости «стриг бабло, пока пипл хакает».

Мы сидели на полу посреди всего этого безобразия, больше сидеть было не на чем, и пили «Шампанское» – за встречу. Костик рассказывал, что помаленьку сколачивает свой коллектив музыкантов, скоро возьмёт обслуживающий персонал и встанет во главе небольшого коллектива. Ещё о том, что бьётся над записью диска, но от композитора не в восторге, хотя это известная распиаренная фамилия. А главное, ищет продюсера для сольной карьеры на большой сцене, и о сволочном тандеме раскрученного Свистуса с полубовником, которые ставят ему палки в колёса из зависти. Про коварного депутата-толстосума Мишу готового пожертвовать деньгами на раскрутку молодого дарования только в обмен на интимные услуги.

Выслушав незамысловатый рассказ о женихе-французе, Костик почему-то яростно сопротивился моей решимости перебраться на жительство в Европу:

– Ты что, Ленк, серьёзно?! Ну, погулять там, свет поглядеть, себя показать. А вообще, навсегда?.. Чего там делать-то собралась? Окстись, коровушка! Настоящая жизнь она тутачки – ин Москоу! Так что сиди на попе ровно, не дёргайся.

– Ой, молчи, Костик, мне самой так страшно, аж душа навыворот!

Приканчивая вторую бутылку шипучего французского изобретения российского производства, Костик ударился в воспоминания, отчасти объяснившие мне его неприязнь к загранице:

– Помню, когда ещё в Барнеаполе на подиуме манекенщиком подрабатывал. Молодой, лет в шестнадцать. То надо было выйти на сцену и американскую фирму за спонсорские бабосы поблагодарить. А я ж всю жизнь немецкий учил, да и то, как нам преподавали-то?.. – через

пень-колоду. Выхожу – волнуясь жутко. Протягиваю букет бабе америкосовой и вдруг вместо «Феньк-ю», говорю: «Фак-ю!», прямо в микрофон. Видать фильмов американских обсмотрелся. У бабы глаза по восемь долларов! На морде и ужас, и восторг одновременно. В зале смех истерический. Я с тех пор комплексуя перед иностранцами...

– Мда-а... Ну, ты даёшь, Константин! Знаешь, сыр такой есть «Советский парафин» называется? Так вот это как раз он и есть. Подразумевается – позорище ты моё!

– А вот касательно французов, то про них мало что знаю, но судя по репертуару в моём клубе, с рэпом у них совсем беда. Даже чёткий ритм не может разделить слов. Это так смешно звучит. На фоне ударов – одно бесконечно зажеван-н-ное слово... Хотя был у меня один Жан-Польчик... кудрявенький такой... А ничего не получилось. Ты же знаешь, как я инфекции опасуюсь.

На широком барском матрасе, лежащем на полу, решено было спать по сменам. Костик уходил на свою ночную работу часам к десяти вечера, и я укладывалась спать после целого дня беготни по столице. Утром, часам к восьми, Костика привозило такси. Он устало вваливался в квартиру увешанный костюмами и сумками с дармовыми трофейными деликатесами, доставшимися после банкетов и вечеринок. И я должна была освободить ложе. Виделись мы мельком, лишь рано утром в полусне и вечером впопыхах, когда Костик метался между телефонными звонками и подготовкой к ночному шоу.

Рано утром меня разбудил звонок: «Наверное, Костик ключ забыл?» Со сна, не заботясь о безопасности, я открыла дверь и остолбенела. В дверь ввалился бледный и всклокоченный, но всё же не потерявший узнаваемости скандально-популярный эстрадный «звездун» Стас Пеньков с соответствующей кличкой «Пенёк», но активно внедряющий через СМИ другой творческий псевдоним – «Герцог Лучезарный»:

– Ты кто? Костя где?

– А? А-аа... он...

– Чё, тормозишь, как из московской области?!

– Костя сейчас придёт. Он на работе. Скоро будет, наверное...

– Слышь, подруга, у тебя часом подлечиться нечем? А то тут, короче, неважная тема. Их бин больной. Совсем. Притащился вот к вам на конец географии. Уважь по дружбе. Исключительно ради жизни на земле. Слышь?

Лучезарный Герцог Пенёк от меня явно чего-то добивался, а я никак не могла взять в толк, что ему было нужно. На моё счастье на лестнице зашуршали концертные туалеты, и в коридоре выросла пушистая ёлочка из пакетов с лицом Костика. Хозяина утреннее посещение коронованной особы явно не обрадовало:

– Что за пипец с утра пораньше? Что Дитэр опять Болен?

– Косточка моя! Ну, где же ты где, звёздочка ясная? Вам наш респект! Тут, понимаешь ли, такие дела, короче... выручай подлеца в предпоследний раз...

– Любой каприз за Ваши деньги. Только припомни, кто-то мне грозился оторвать орган обаяния. Уж не Вы ли?! Ленка, чего стоишь? Иди отсюда! Нечего тебе слушать, маленькая ещё.

– Котик, ты чего? Какой орган? Когда?!

– Вот она, значит, земля-то круглая оказалась. А ну, пошёл!!!

Бесцеремонно вытолкав за дверь кумира миллионов, Костик мрачно ворчал: «Кидалово. Кидалово кругом...» В его статной высокой фигуре вдруг явно стало проглядывать нечто стариковское. Устало ссутулившись, он, как заторможенный, развешивал костюмы, раскладывал еду на полочки в холодильнике. Потом долго плескался в ванной. Но как только Костик рухнул на вожделенный матрас, за окном во всю мощь прогресса урбанизации взревела соседняя стройка. Затрещали отбойные молотки. Затрясли мироздание гигантские адские машины, вбивающие сваи в недра земли. Завизжали истеричные тормоза. Самозабвенно заматерились прорабы... В столице нашей Родины городе-герое Москве начинался новый трудовой день.

Неумолимо ширились и росли кварталы в предвкушении неминуемого заселения новыми поколениями искателей счастья и приключений.

Вдруг, обычно уравновешенный Костик подскочил, как ужаленный и, завернувшись в простыню, словно в индийское сари выскочил на балкон:

– Козлы-ы! Деби-илы! Чтоб у вас кайло отвалилось!

Но его высокоартистичные ругательства слились с индустриальным шумом и растворились в разноголосом хоре праздника труда и созидания. И тогда, раскинув руки, не в силах выплеснуть весь поток ярости на провинившийся город, Костик вдруг запел невероятно красивым сильным голосом: «Да, я – шут, я – циркач, так что же...» Всё смолкло. Над бескрайним строительным морем во внезапно оглохшей тишине был слышен только его чудесный густой голос. Покорившись перед дерзким талантом из провинции, Москва пристыженно замолкла и дослушала арию мистера Икс до конца...

Я выронила помаду и застыла от изумления и восторга. Успокоенный и совершенно прежний Костик повернулся ко мне и, как древний философ, завернутый в своё древнее философское одеяние, вещал:

– Вот мне, Ленка, как не дёргайся, как не ерепенься, а придётся под Мишу-депутата ложиться – а это всё равно, что под паровоз. А ты, коровушка моя, какого-то французского дедушки испугалась. Он и мелкий-то, поди, как все французы? Фигня-война, главное – манёвры. Представь, что это твоя работа, и всё! Преподаватель музыки, ты как к своим служебным обязанностям относишься? Вот и давай старательно, прилежно, скрупулёзно – не для забавы, а исключительно за деньги. Ничего, выживем...

ОЧЕРЕДЬ ЗА СЧАСТЬЕМ

*Тюменская область размером похожа на Францию.
Больше на Францию она ничем не похожа...*

Чётко следуя всем Лолкиным инструкциям, я примчалась к консульству затемно. До открытия тяжёлых дубовых дверей было ещё несколько часов, но, несмотря на это в очереди я была уже четвёртой. В течение десяти минут очередь удвоилась, затем стала быстро расти, и вскоре напоминала взбудораженную колонну первомайской демонстрации в славные доперестроечные годы. Вдоль очереди, как из-под земли, выросли столы, за которыми уселись всезнающие коммерсантки. Они принялись бойко торговать медицинскими страховками, без которых входить в дубовую дверь не рекомендовалось. За отдельную плату эти же тётки заполняли необходимые замысловатые анкеты. Тут же шныряли агенты транспортных компаний с веерами из рекламных проспектов.

Время побежало быстрее. И по мере приближения заветного часа – открытия дубовых дверей, очередь становилась всё оживлённее. Людская река забурлила, вспенилась, заволновалась. От стресса, голода и многочасового неподвижного ожидания люди кинулись нервно общаться, рассказывать свои истории, давать друг другу бесконечные советы:

– Тут надо знать, что и как сказать. А то откажут в визе. Они ж ничего не объясняют. Всё спросят, и кто приглашает, и зачем, и какие отношения.

– Почему такой допрос с пристрастием?

– Странный вопрос. Да потому что бегство русских женщин за границу приобрело масштабы государственного бедствия!

– По телевидению запугивают документальными триллерами про маньяков-иностранцев, что, мол, женятся на русских, чтобы всю жизнь потом издеваться. Только бесполезно – пуганые уже. Как будто свои не так! Там хоть с голоду сдохнуть не дадут.

Когда до штурма неприступной крепости оставались считанные минуты, все возбудились ещё больше и были объаты выяснением одного всеобщего вопроса: «На какое время вас назначено?» Рандеву начинались с 8.00, а моё время было 8.05. Я, не предчувствуя беды, назвала своё время. И тут выяснилось, что у огромного числа людей время на 8.00. Точь-в-точь как бывает во всех поликлиниках, переполненных озлобленными больными, жаждущими немедленного излечения.

Я была нещадно отброшена от заветной цели на несколько часов барахтанья в потном людском месиве. Из жерла выныривал надменно-бесчувственный человекоподобный робот и, не замечая никаких криков, разборок и назревающих драк, запускал в счастливую жизнь строго по одному человеку.

Тем временем кипящая река решила выбросить такую мелкую щепку, как я на грязный загаженный берег, оставив без единой надежды достигнуть океана. Теперь у всех в этой бесконечной очереди время оказалось назначено ровно на 8.00!

Положение становилось безвыходным. Консульство принимало страждущих только несколько часов. Тем, кто не укладывался, предстояло повторить всю процедуру штурма заново, на следующий день, а таким образом я могла не попасть на самолёт. От ужаса, что все усилия могут пропасть даром, у меня ослабли ноги, и похолодело внутри.

Во мне будто включился спящий доселе неведомый механизм, и я, молча, с решимостью крошечного буксира, тянущего за собой громоздкую баржу, поперла против течения.

Я помню перекошенные злобой лица, захлёстывающие волны ненависти и тычки со всех сторон, рвущихся в дубовые двери агрессивных монстров. Эта жуткая картина даже сейчас, спустя много лет, стоит перед моими глазами. Я не помню персонажей, но то состояние опасности, обиды и торжества несправедливости навсегда что-то изменили в моём отношении к человеческой природе, отнюдь не в лучшую сторону.

Но я должна была противостоять, и во что бы то ни стало вынести всё это. Безысходность подсказала единственно правильную манеру поведения.

– Пропустите. Мне назначено. У меня на восемь ноль-ноль. – Как заведенная монотонно твердила я, пробиваясь к Райским вратам.

– У тебя же на восемь, ноль пять!!! – орали вокруг. Но я усиленно делала вид, что ничего не слышу и не замечаю.

И вот когда вожделенная дверь была уже почти передо мной... Разъярённая слоноподобная тётка такого революционно-базарного вида, будто только что продавала махновцам махорку и патроны, решительно преградила мне путь к счастью. (Неужели и она тоже надеется обрести нежную любовь в предместье Парижа?!) Захлёбываясь площадной бранью, комиссарша принялась толкать меня кулачищем в плечо, намереваясь, раз и навсегда покончить с моей никчёмной классово-несознательной жизнью. И быть бы мне затоптанной ревущей, жаждущей возмездия, рвущейся на штурм Зимнего, толпой революционных матросов... Но в эту самую секунду волшебная дверь отворилась! Отчаянно вырываясь из десятка вцепившихся в меня алчных потных рук, я кинулась внутрь, чуть не сбив с ног, невозмутимого андроида.

Всё! Победа! Так вот что имела в виду Лолка, говоря: «Главное вырваться!»

Прохлада. Полумрак. Будто из жерла адского пекла попала внутрь чудесного облака. Теперь мне больше никуда не нужно будет торопиться, психовать и рвать жилы – это где-то там... Тихие вежливые голоса задают простейшие вопросы, а я всё никак не могу опомниться и с первого раза правильно произнести даже собственного имени.

– В Интернете познакомились? – с подозрением интересуется аккуратный холёный клерк.

Но не тут-то было, не понимаешь, морда заграничная. Я-то знаю, что и как нужно отвечать. Дай Бог моей Лолке здоровья, денег и море французских поцелуев!

И вот снова очередь. Но совсем другая. Неспешная. Вальяжная. Добродушно-расслабленная. У всех такой вид, будто никто никуда и не собирается лететь вовсе. Медленно и лениво загружаются на движущуюся дорожку сумки и чемоданы. Паспорта и билеты протягивают с непременно отсутствующим заспанным выражением лица.

Какие разные очереди! В России даже у дверей морга волнуется нервная толпа. Потому, что жизнью учёные – вдруг не достанется. И ведь правы – иногда не достаётся...

Иноземцы, наверное, не приучены волноваться по этому поводу – им всегда всё доставалось, что положено. Избалованы. Десятый раз по всему аэровокзалу на трёх языках просят пройти на посадку некоего мистера. А его нет. Никто не подорвался как на пожар, подхватив авоськи. Никто не прыгает и не ругается, не извиняется – вообще не шевелится. Мистер не торопится, он в баре не допил свой виски с тоником или не сторговался о цене матрёшки в сувенирном киоске. И плевать. У него всё схвачено. Он не отвалил за авиабилеты гигантскую сумму в годовую зарплату. Главное – перейти черту, и окажешься в волшебном серебряном мире с новыми запахами и переливами хрустальных колокольчиков перед каждым объявлением по радио. Нет проблем.

– Привет. Путешествие?

От неожиданности я вздрогнула – никак не ожидала, что в этом новом неведомом мире со мной так внезапно захотят общаться инопланетяне-небожители.

Передо мной стояло нечто абсолютно баба-рязанского вида, если бы не пирсинг в губе и цветные татуировки, покрывающие предплечья с заходом на шею. Не смотря на то, что фигура девушки представляла бесформенную желеобразную гору целлюлита, она была одета, словно без стеснения гуляла по пляжу, причём нудистскому. Приспущенные до неприличия необъятные шорты выставляли на всеобщее обозрение грязно-розовые стринги. Бывшая когда-то белой застиранная маечка не скрывала прелестей хозяйки, принципиально не носящей бюстгальтера. Хотя я думаю, зря. Образ уверенной в себе на все сто иностранки был гармонично

дополнен жирными нечёсанными волосами-сосульками и россыпями прыщей по всему круглому невыразительному лицу:

– Джейн. Сан-Франциско! – девушка по-свойски хлопнула меня по спине, как делают бывалые кореша из соседнего ПТУ.

– Елена. Барнаул.

– А Борнео?!

– Нет. Барнаул. Алтай.

– М-мм... Китай?!

– Нет же. Сибирь!

И тут Джейн посмотрела на меня тем безумным, полным ужаса, сочувствия, неверия и высшей степени удивления, взглядом, на который я буду теперь обречена после каждого знакомства с любым иностранцем. Этот взгляд будет преследовать меня повсюду и выматывать душу, заставляя чувствовать себя двухголовым лабораторным уродцем, заспиртованным в большой колбе и выставленным внушать трепет публике.

– А за что тебе туда?..

Через пять минут я и Джейн поняли, что мы – лучшие друзья, через десять не представляли дальнейшей жизни друг без друга. Джейн рассказывала мне о своей жизни на ломаном русском:

– У меня всё маленькое и старое. Маленький старый дъомик – два этаж. Маленький старый бассейн – весь заросли, нужно чистить. Маленький старый автомобиль – часто ломается. Я бьедный! Я стьюдент. Только бой-френд хороший, красивый. Он здесь жить, ин Москоу.

Не обращая внимания на мой протест Джейн открыла чемодан и стала с энтузиазмом показывать подарки от московского бой-френда. Лапти по размеру подходящие для американской кошки Джейн, наверняка, тоже маленькой и старой, открытки с видами столицы, и прочий арбатский ширпотреб. Особую гордость Джейн испытывала, демонстрируя расписной Павло-Пасадский платок, который тут – же повязала на пояс:

– Так польечу! Я тоже фром Сайбирья!

Этот финт раскрепощённой американским образом жизни секс-бомбы моментально возымел должный эффект. Огромный серебристый зал ожидания заграничных дальнего следования, казавшийся поначалу безлюдным, оживился. Из дальнего угла кафе оторвался от экрана ноутбука тощий сутулый гражданин неизвестного государства и теперь неподдельно заинтересованно взирал на Джейн. Заулыбалась и радостно зааплодировала, одетая во всё белое, низкоросло-черноголовая группа японских туристов.

Но особое внимание заслужила Джейн от странной компании мужчин ярко выраженной цыганской внешности, усыпанных золотыми украшениями (толстые цепи были даже на щиколотках) в аляповато-ярких рубахах. Громко галдя, как и положено табору, они, не стесняясь показывали пальцами на толстый зад Джейн, драпированный платком, двигались к нам. «Боже, что сейчас будет?! Не хватало ещё проблем с цыганской диаспорой! – страх моментально сковал меня, – Как отвязываться будем?»

Но бесстрашная Джейн, напротив, видимо решила закончить свои дни в цыганской кибитке, по Бессарабии кочуя. Она нарочито выставила свой необъятный зад и стала им призывно трясти, всколыхнув ещё не тронутые залежи целлюлита. Ромалы впечатлились и стали, громко цокая, щёлкая пальцами, наперебой восклицать:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.